

№№ 8-9
АВГУСТ—
СЕНТЯБРЬ
1942

Год изда-
ния девят-
надцатый

Мурзилка

1.
Всесоюзная
Библиотека
имени
В. В. Маяковского

Изд-во
ЦК ВЛКСМ
„Молодая
гвардия“

Журнал
ЦК ВЛКСМ
Для школь-
ников млад-
ших классов

XV 63
II

ДЕСЯТИЛЕТНИЙ ЧЕЛОВЕК

Рисунки худ. А. Ромодановской

Крест-накрест синие полоски
 На окнах съезжившихся хат.
 Родные тонкие березки
 Тревожно смотрят на закат.
 И юноша в одежде рваной
 Повешен на сухой сосне,
 И чей-то грубый иностранный,
 Не русский говор в тишине...
 И пес на теплом пепелище,
 До глаз испачканный в золе.

Никто в далекую дорогу
 Его теплее не одел,
 Никто не обнял у порога
 И вслед ему не поглядел.
 Мать? Но она была убита.
 Сестра? Она была мертва;
 Она лежит с лицом открытым
 На дне чудовищного рва.
 Соседи? Их осталось мало;
 Их с каждой ночью, с каждым днем

Он целый день кого-то ищет
 И не находит на селе.
 Накинув драный зипунишко,
 По огородам, без дорог
 Бежит, торопится парнишка
 По солнцу прямо на восток.
 В нетопленной разбитой бане
 Ночь скоротавши, как зверек,
 Как долго он своим дыханьем
 Озябших рук согреть не мог!
 С рассветом обходя селенья
 И полицейские посты,
 Ища от Гитлера спасенья,
 Ложась и прячась за кусты,
 Все видевший, на все готовый,
 По грудь проваливаясь в снег,
 Бежал к своим русоголовый
 Десятилетний человек.

Все убывало, убывало...
 Они не думали о нем.
 Он верил: где-то недалече,
 Быть может, воц за той горой,
 Его, как друга, в темный вечер
 Задержит русский часовой.
 И по щеке его ни разу
 Не проложила путь слеза:
 Должно быть, слишком много сразу
 Увидели его глаза
 За эти месяцы страданья,
 Которые равны годам...
 Но ты, фашистская Германия,
 За них сполна ответишь нам!
 Детоубийцы и грабители,
 Вам ничего не скрывать вовек!
 Он будет первым обвинителем —
 Десятилетний человек.

Ребята! На обложке этого номера художник Б. В. Щербаков нарисовал портрет снайпера Коли Христиненко. Коле всего пятнадцать лет, но он уже руководитель боевой

снайперской группы, которая за месяц с небольшим уничтожила 423 фашиста. На снайперском счету самого Коли 47 немцев. Коля награжден медалью «За отвагу».

XX 63
II

ПЕТРАС
ЦВИРКА

XLIII-2091

Рисунки
худ. Л. Смехова

1

После обеда в деревню вступил небольшой немецкий отряд. Деревня была разрушена. По сторонам улицы чернели пепелища, а в опустевших садах понуро склонялись оголенные жаром и пламенем деревья.

На повозке, рядом с полевой кухней восседал лейтенант. Запыленные лица солдат были устали. Солдаты плелись вяло. Но отряд, не останавливаясь, прошел дальше.

У деревенской околицы — там, где дорога круто сворачивала к лесу, — офицер подал команду остановиться. Он соскочил с повозки и внимательно разглядывал местность в бинокль. Отряд в тревожном ожидании следил за своим начальником.

Внезапно тишину летнего дня нарушила соловьиная трель. Чудесная мелодия разливалась все шире и шире. Солдаты и сам лейтенант насторожились. И вдруг совсем близко от себя заметили мальчика, сидевшего на краю канавы. Без шапки, в зеленой курточке, он сливался с придорожной листвой. Мальчик что-то выстукивал, прижимая к груди кусок дерева.

— Эй, ты! — подозвал к себе мальчугана лейтенант.

Паренек торопливо сунул в карман нож, отряхнул облепившие куртку стружки и подошел к офицеру.

— А ну-ка, покажи, — сказал немец.

Мальчик вынул изо рта небольшой предмет и, поглядывая на офицера веселыми голубыми глазами, подал его лейтенанту.

Это была березовая свистулька — свирель.

— Ловко сделано, мальчик, ловко, — покачал головой лейтенант. — Кто тебя научил так свистеть? — спросил он.

— Я сам научился... Еще и по-кукушечьи умею кричать.

И мальчик закричал кукушкой. Потом он снова сунул в рот свистульку и засвистал, прижимая ее к губам языком.

— Ты один в деревне? — продолжал расспросы лейтенант, подымая бинокль к глазам.

— Как это — один? Тут и воробьев много, и ворон, и куропаток. А соловей — я один!..

— Ты, оборванец, — перебил его офицер, — я тебя спрашиваю: есть ли тут люди?

— Э, людей здесь с самого начала войны уже нет, — невозмутимо ответил мальчик. — Как поднялась стрельба и деревня загорелась, все давай кричать: «Звери, звери идут!» — и убежали.

— А ты что же не убежал?

— Хотел на зверей посмотреть. Когда я в городе был, показывали за полтинник кошку ростом с теленка...

— Придурковатый, — сказал, обращаясь к солдатам, лейтенант. — Ну, а дорогу на Сурмонтас знаешь?

— Как не знать, — уверенно ответил мальчик. — Мы еще с дядей Юдзасом на мельницу рыбу удить ходили. Щуки там какие — гусят глотают! Когда плотину прорвало...

— Хорошо, хорошо, веди. Правильно проведешь — дам тебе эту штучку. — И лейтенант показал ему зажигалку. — Сведешь с дороги — голову тебе сверну со свистулькой вместе. Понятно?

Отряд тронулся в путь. Впереди ехала походная кухня, а следом за ней, рядом с лейтенантом шагал мальчик. Он то пел соловьем, то кричал по-кукушечьи; размахивая руками, задевал придорожные ветки, нагибался за шишками, подкидывал их ногами. Погрузившись в свои занятия, он, казалось, не проявлял к окружающему никакого интереса.

Лес становился все гуще; извилистая дорожка тянулась среди молодых, но густых бе-

рез, заросших просек и снова взбегала на холмы, покрытые коренастым ельником.

— А что у вас говорят про партизан? Водятся здесь они? — спросил лейтенант.

— Это грибы такие? Нет, не водятся. Есть у нас только рыжики, подберезовики, опенки, — ответил мальчуган.

Офицер понял, что от него ничего не добьешься, и они шли дальше молча.

2

В лесу, составив ружья у дерева, залегли несколько мужчин. Просветы между тонкими стволами молодого ельника позволяли им видеть изгиб дороги. По временам они перекидывались короткими фразами и, осторожно раздвигая ветви, внимательно всматривались в даль.

— Слышите? — сказал вдруг один из лежащих. И, наполовину приподнявшись, он повернул голову в ту сторону, откуда сквозь неясный шопот леса еле внятно доносилось птичье пение. — Соловушка!

— Может, тебе показалось? — спросил другой, насторожился и ничего не услышал. Но все же вытащил из-под пня четыре гранаты и положил перед собой.

Все громче раздавалась соловьиная трель.

— А теперь слышишь? — спросил партизан.

Он неподвижно застыл, как бы замер на месте, и принялся медленно считать: «Раз, два, три, четыре...»

— Тридцать два фрица... — считал человек,

прислушиваясь к птичьей песне. — Два пулемета, — добавил он, услышав вслед за соловьиными трелями крик кукушки.

— Надо проверить, — сказал, беря винтовку в руки, бородатый мужчина.

— Поторапливайся, — откликнулся первый партизан и положил руку на плечо самому младшему, подвешивавшему к поясу ручные гранаты.

— Мы с дядей Степасом пропустим их вперед, а когда вы начнете, поддадим им сзади жару. Если с нами что-нибудь случится, не забудь про Соловушку...

Через несколько минут за молодым ельником показался немецкий отряд. Соловей свистел все с тем же увлечением.

Немцы вышли на лесную полянку. Вдруг, словно эхо, на свист мальчугана откликнулся другой свист — из лесной чащи. Шедший с краю мальчик, как перепуганный зайчонок, шмыгнул в глубь леса. Удары выстрелов нарушили лесную тишину. Лейтенант, не успев схватиться за револьвер, покатился в дорожную пыль. Один за другим валились подбитые из автоматов солдаты. Стоны, слова команды и крики наполнили лес...

На другой день на привычном месте, у края канавы, сидел паренек лет тринадцати и что-то строгал, по временам оглядываясь на дорогу, словно кого-то ожидая.

С его губ слетала переливчатая мелодия, которую нельзя было отличить от настоящей соловьиной трели даже самому привычному уху.

БАБУШКА И ВНУЧЕК

Русский поэт Алексей Николаевич Плещеев родился в 1825 году, умер в 1893 году.

Когда Плещееву было двадцать четыре года, царское правительство приговорило его к расстрелу за участие в революционном кружке. Потом казнь заменили ссылкой. Только через

восемь лет он вернулся в Москву и снова мог заняться литературной работой.

Плещеев был любимым поэтом русской молодежи. С волнением читала молодежь его стихи: «Вперед без страха и сомнений на подвиг доблестный, друзья!» Стихи Плещеева любили и дети, для которых он много писал.

— Шел вчера я мимо школы.
Сколько там детей, родная!
Как рассказывал учитель,
Долго слушал у окна я.

Слушал я — какие земли
Есть за дальними горами;
Города, леса какие
С злыми, страшными зверями...

Он рассказывал: где жарко,
Где всегда стоят морозы,
Отчего дожди, туманы,
Отчего бывают грозы;

И еще — как люди жили
Прежде нас и чем питались;
Как они не знали бога
И болванам поклонялись.

Рисовали тоже дети;
Много я глядел тетрадок.
Кто глаза, кто нос выводит,
А кто домик да лошадок.

А как кончилось ученье,
Стали хором петь. В окошко
И меня втащил учитель,
Говорит: «Пой с нами, крошка!

Да проси, чтоб присылали
В школу к нам тебя родные.
Все вы скажете спасибо
Ей, как будете большие!»

Отпусти меня! Бабусю
Я за это расцелую
И каких тебе картинок
Распрекрасных нарисую! —

И впились в лицо старушки
Глазки бойкие ребенка,
И морщинистую шею
Обвила его ручонка.

На глазах старушки слезы:
— Это — божие внушенье!
Будь по-твоему, голубчик;
Знаю я, что свет — ученье..

Бегай в школу, Ваня; только
Спеси там не набирайся;
Как обучишься наукам,
Темным людям не глушайся! —

Чуть со стула резвый мальчик
Не стащил ее. Пустился
Вон из комнаты и мигом
Уж в саду он очутился.

И уж русая головка
В темной зелени мелькает...
А старушка то смеется,
То слезинку утирает.

ОТМЕТКИ РИММЫ ЛЕБЕДЕВОЙ

В город Свердловск приехала с запада вместе со своей мамой девочка Римма Лебедева. Она поступила учиться в третий класс. Тетка, у которой жила теперь Римма, пришла в школу и сказала учительнице Анастасии Дмитриевне:

— Вы к ней, пожалуйста, строго не подходите. Они ведь с матерью еле выбрались. Свободно могли немцам в лапы попасть. На их село бомбы кидали. Для нее все это очень подействовало. Я думаю, что она теперь нервная. Наверное, она где в силах нормально учиться. Вы это имейте в виду.

— Хорошо, — сказала учительница, — я буду это иметь в виду, но мы постараемся, чтобы она могла учиться, как все.

На другой день Анастасия Дмитриевна пришла в класс пораньше и сказала ребятам так:

— Лебедева Римма еще не приходила?.. Вот, ребята, пока ее нет, я хочу вам сказать: девочка эта, может быть, много пережила. Они были недалеко от фронта с мамой. Их село немцы бомбили. Мы с вами должны помочь ей притти в себя, наладить учебу. Особенно много не спрашивайте ее. Условились?

— Условились! — дружно ответили третьеклассники.

Маня Петглина, первая отличница класса, усадила Римму на своей парте, рядом с собой. Мальчик, сидевший тут раньше, уступил ей свое место. Ребята давали Римме свои учебники. Маня подарила ей жестяную коробочку с красками. И третьеклассники ни о чем не спрашивали Римму.

Но училась она неважно. Она не готовила уроков, хотя Маня Петлина помогала ей заниматься и приходила к Римме на дом, чтобы вместе с ней решить заданные примеры. Слишком заботливая тетка мешала девочкам.

— Хватит вам учиться-то, — говорила она, подходя к столу, закрывала учебники и убирала Риммины тетрадки в шкаф. — Ты ее, Маня, совсем замучила. Она не то, что вы — дома тут сидели. Вы себя с ней не сравнивайте.

И эти теткин разговоры в конце концов подействовали на Римму. Она решила, что ей уже незачем учиться, и совсем перестала готовить уроки. А когда Анастасия Дмитриевна спрашивала, почему Римма опять не знает уроков, она говорила:

— На меня тот случай очень подействовал. Я не в силах нормально учиться. У меня теперь стали нервы.

Маня и подруги пробовали уговорить Римму, чтобы она училась как следует. Но она опять упрямо твердила:

— Я почти что на самой войне была. А вы были? Нет. И не сравнивайте.

Ребята молчали. Действительно, они не были на войне. Правда, у многих из них отцы и родственники были в армии. Но им было трудно спорить с девочкой, которая сама была довольно близко от фронта. А Римма, видя смущение ребят, стала теперь прибавлять к теткиным словам еще свои собственные. Она говорила, что ей скучно учиться и неинтересно, что она опять скоро уедет на самый фронт и поступит там в разведчицы, а всякие диктовки и арифметики ей не очень нужны.

Недалеко от школы был госпиталь. Ребята из школы часто ходили туда. Они читали раненым вслух книги, один из третьеклассников хорошо играл на балалайке, и школьники тихим хором пели раненым «Светит месяц» и «Во поле березонька стояла». Девочки вышивали кисеты для раненых. Вообще школа и госпиталь очень сдружились. Ребята сперва не брали с собой Римму. Они боялись, что вид раненых напомнит ей что-нибудь тяжелое. Но Римма упросила, чтобы ее взяли. Она даже сама сшила табачный кисет. Правда, он у нее вышел не очень складным. И когда Римма дала кисет лейтенанту, лежавшему в палате № 8, раненый почему-то примерил его на здоровую левую руку и спросил:

— Как вас звать-то? Римма Лебедева? — и негромко пропел:

Ай да Римма — молодец!
Вот так мастерица!
Шила раненым кисет —
Вышла рукавица.

Но увидев, что Римма покраснела и расстроилась, поспешно поймал ее за рукав своей левой, здоровой рукой и сказал:

— Ничего, ничего, вы не смущайтесь, это я так, в шутку. Прекрасный кисет! Спасибо. А это даже хорошо, что и за рукавицу сойти может. Пригодится. Тем более, мне только для одной руки теперь и нужно.

И лейтенант печально кивнул, показав на обмотанную бинтами правую руку.

— А вот вы мне сослужите в дружбу, — попросил он. — У меня тоже дочка есть, во втором классе учится. Олей зовут. Она мне письма пишет, а я вот ответа написать не могу... Рука... Может быть, сядете, возьмете карандаш? А я вам продиктую. Очень буду благодарен.

Конечно, Римма согласилась. Она гордо взяла карандаш, и лейтенант медленно продиктовал ей письмо для своей дочки Оли.

— Ну, давайте поглядим, что мы тут с вами вместе насочиняли.

Он взял левой рукой листок, исписанный Риммой, прочел, нахмурился и огорченно присвистнул:

— Фью!.. Это некрасиво получается. Очень уж грубые ошибки ставите. Вы в каком классе? В третьем пора уже чище писать. Нет, это не годится. Меня дочка засмеет. «Нашел, скажет, грамотеев». Она хоть и во втором классе, а уж знает, что когда слово «дочка» пишешь, после «ч» мягкий знак совершенно не требуется.

Римма молчала, отвернувшись в сторону. Маня Петлина подскочила к самой койке лейтенанта и зашептала ему на ухо:

— Товарищ лейтенант, она не в силах еще нормально учиться. Она еще не пришла в себя. На нее очень подействовало. Они почти около самого фронта с мамой были. — И она обо всем рассказала раненому.

— Так, — промолвил лейтенант. — Не всем это правильный разговор. Бедой и горем долго не хвастаются. Или уже терпят, или помочь горю-беде стараются, чтобы не стало их. Я вот зато и правую руку свою отдал, наверное, а многие и головы совсем сложили, чтобы ребята у нас учились как следует, как мы хотим, чтобы у них жизнь была по всем нашим правилам... Вот что, Римма: приходите-ка ко мне завтра после уроков на часок, потолкуем, и я вам еще письмецо продиктую, — неожиданно закончил он.

И теперь каждый день после уроков Римма приходила в палату № 8, где лежал раненый лейтенант. И он диктовал — медленно, громко, отдельно — письма своим друзьям. Дру-

зей, родственников и знакомых у лейтенанта было необыкновенно много. Они жили в Москве, Саратове, Новосибирске, Ташкенте, Пензе.

— «Дорогой Михаил Петрович»... Знак восклицательный, вверх дубинкой, — диктовал лейтенант. — Теперь пиши с новой строки. «Хочу узнать», запятая, «как движется»... После «т» не надо мягкого знака в данном случае... «Как движется дело у нас на заводе». Точка.

Потом лейтенант вместе с Риммой разбирал ошибки, исправлял и объяснял, почему надо писать так, а не этак. И заставлял найти на небольшой карте город, куда посылалось письмо.

Прошло еще два месяца, и однажды вечером в палату № 8 пришла Римма Лебедева и, хитро отвернувшись, протянула лейтенанту ведомость с отметками за вторую четверть. Лейтенант внимательно проглядел все отметки.

— Ого! Это порядок! — сказал он. — Молодец, Римма Лебедева: ни одного «посредственно». А по русскому и географии даже «отлично». Ну, получайте вашу грамоту! Документ почетный.

Но Римма отвела рукой протянутую ей ведомость.

— Вы распишитесь... Вот тут, где написано «подпись родителей или лица воспитывающего»... Как при чем вы? Кто же еще? А то мама в командировку уехала, а тетю я не хочу. Только ведь вы не можете... Рука...

— Могу! — сказал лейтенант. — Я уже давно могу. Давайте сюда.

Он поболтал в воздухе своей зажившей рукой и в графе «подпись родителей или лица воспитывающего» четко вывел: «Лейтенант А. Тарасов».

ТОРЖЕСТВЕННОЕ ПИОНЕРСКОЕ ОБЕЩАНИЕ.

ДУЖИКОВСКАЯ БИТВА.

РИС. ХУД. Б. ЩЕРБАКОВА

За дубовым столом сидел широкоплечий, обросший густой русой бородой московский князь Дмитрий Иванович.

Перед ним дерзко и надменно стояли послы от грозного хана Золотой Орды — Мамаю.

— Покорись, князь, — говорили они. — Иди в Орду, бей челом хану. Еще не поздно, может быть, помилует он тебя. Да бери да-

Уговаривали Дмитрия родные и друзья покориться Мамаю. Уговаривала мать Евдокия. Уговаривал московский митрополит Киприан.

— Сколько можешь собрать золота и серебра, пошли к нему, — просил митрополит, — укроти ярость его.

Никого не слушал Дмитрий Иванович.

Вспоминал он все злодеяния татар: как разоряли и грабили они родную землю, как

ров побольше. Пусть блеск золота умилюстит непобедимого Мамаю.

— Прочь! — крикнул князь. — Прочь с земли русской!.. Не боюсь угроз. Одно скажу врагу — выходи на брань! Нас меч рассудит!

А уж Мамай стоял на Дону. Несметную рать, триста тысяч войска, вел Мамай на Русь. Заключил он договор с литовским князем Ягайлой, и тот вел ему на подмогу свои войска. Готовил войска против Дмитрия изменник родины Олег, князь рязанский. С трех сторон хотели охватить враги русское воинство.

сожгли древний русский город Киев, Рязань, как уводили в полон женщин и детей, как убивали воинов и мирных жителей. И звенела в его ушах горестная народная песня:

У кого денег нет, у того дитя возьмет;
У кого дитяти нет, у того жену возьмет;
У кого жены нет, того головой возьмет.

Реки русской крови пролили татарские ханы за сто пятьдесят лет своего владычества на Руси. Когда Батый брал город Козельск, в крови воинов захлебнулся маленький княжич козельский.

Нет, не может русский народ терпеть дальше позорного рабства! Готова Русь к великому, кровопролитному бою за свою честь и свободу! Еще совсем недавно Дмитрий проучил Мамай на реке Воже. Бежал тогда Мамай со своим войском от Дмитрия...

И кликнул клич князь Дмитрий на все Московское государство.

И вот поднялась русская сила. «В Москве кони ржут, звенит слава по всей земле русской, в Коломне трубы трубят, в Серпухове бубны бьют, на берегу Дуная знамена стоят, в Новгороде вечевой колокол сзывает», писал об этих днях летописец. Шли к князю воины, вооруженные копьями, мечами, а то и просто топорами.

В Москве, на Красной площади выстроились войска. Из Спасских ворот на любимом коне выехал Дмитрий Иванович и стал объезжать полки.

— Братья! — говорил он храбрым воинам. — Постоим за землю русскую, разобьем врага!

И грянули в ответ богатыри русские:

— Положим свою жизнь! Прольем кровь свою!

26 мая 1380 года выступила русская рать в поход навстречу Мамаю. Быстро шло войско. Через десять дней пришли они на берег Дона.

Надо было решать, где принимать бой: за Доном или не переходя Дона, на русской земле.

Дмитрий Иванович собрал военный совет. И опять осторожные люди стали уговаривать князя.

— Надо здесь ждать, — говорили они. — Велика сила у Мамай, а у тебя всего сто пятьдесят тысяч. Если перейдем Дон и нас потеснит Мамай, что тогда будет? Не гоже биться ратнику, если у него река за спиной. Удержим себе путь назад. А то лучше руби нас сам — своя сабля сечет легче.

Дмитрий Иванович молчал.

Тогда выступили братья Ольгердовичи.

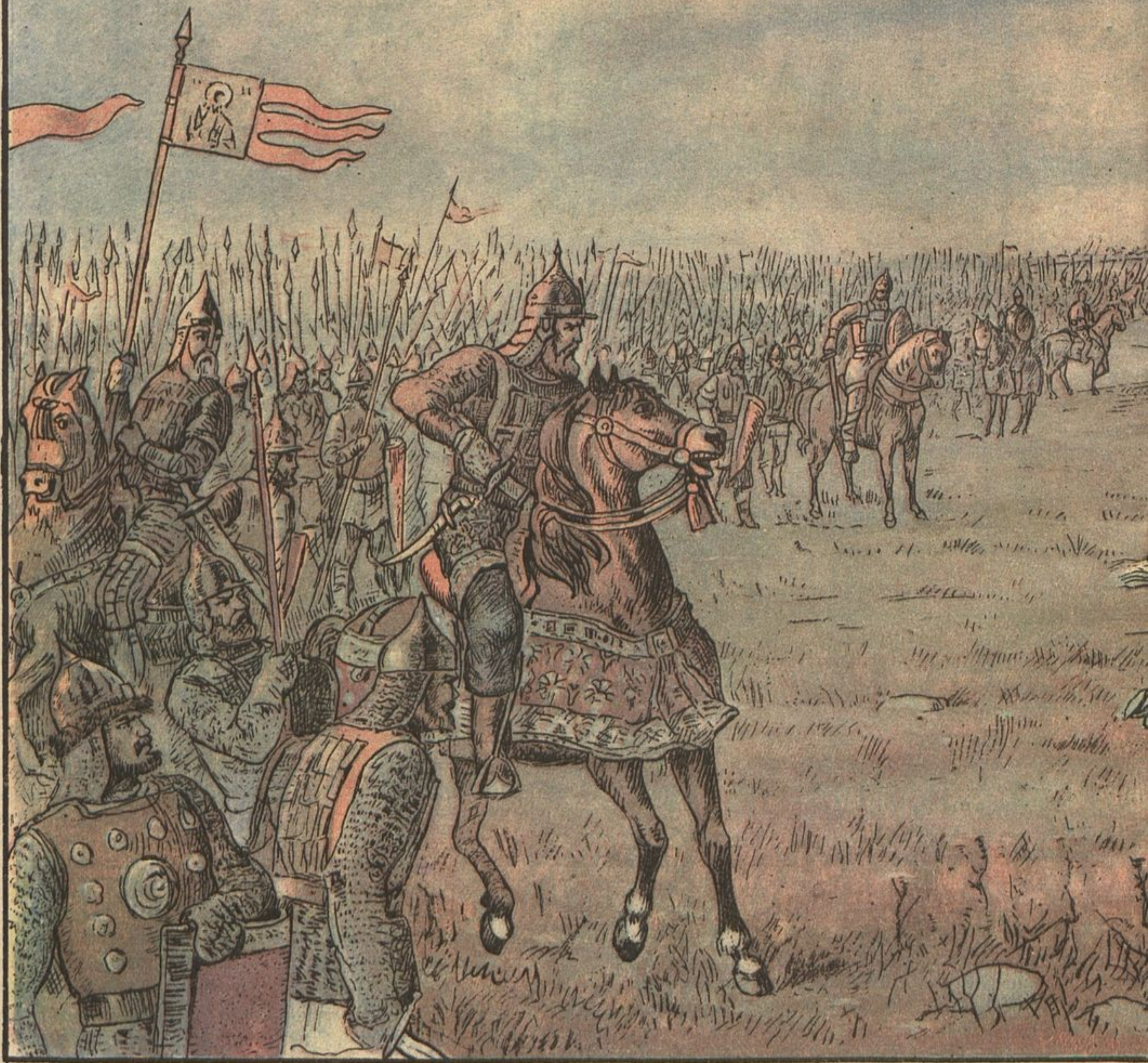
— Остаться на левом берегу Дона — значит показать, что мы боимся татар. Воины будут злее драться там, на правой стороне. Нам нельзя отступать. Победим — либо ляжем костями.

— Если хочешь боя крепкого, — сказал прославленный воин и друг Дмитрия воевода волынский Боброк, — вели сегодня же переходить Дон. Пусть без хитрости бьется всякий, пусть не думает о своем спасении, а глядит, как муж, смерти в глаза. А что, говорят, у Мамай силы велики, то не в силе бог, а в правде.

Наконец заговорил сам Дмитрий Иванович.

— Друзья и братья! — говорил князь. —

КУЛИКОВСКАЯ БИТВА. ПОЕДИНОК ПЕРЕСВЕТА С ЧЕЛИБЕЕМ

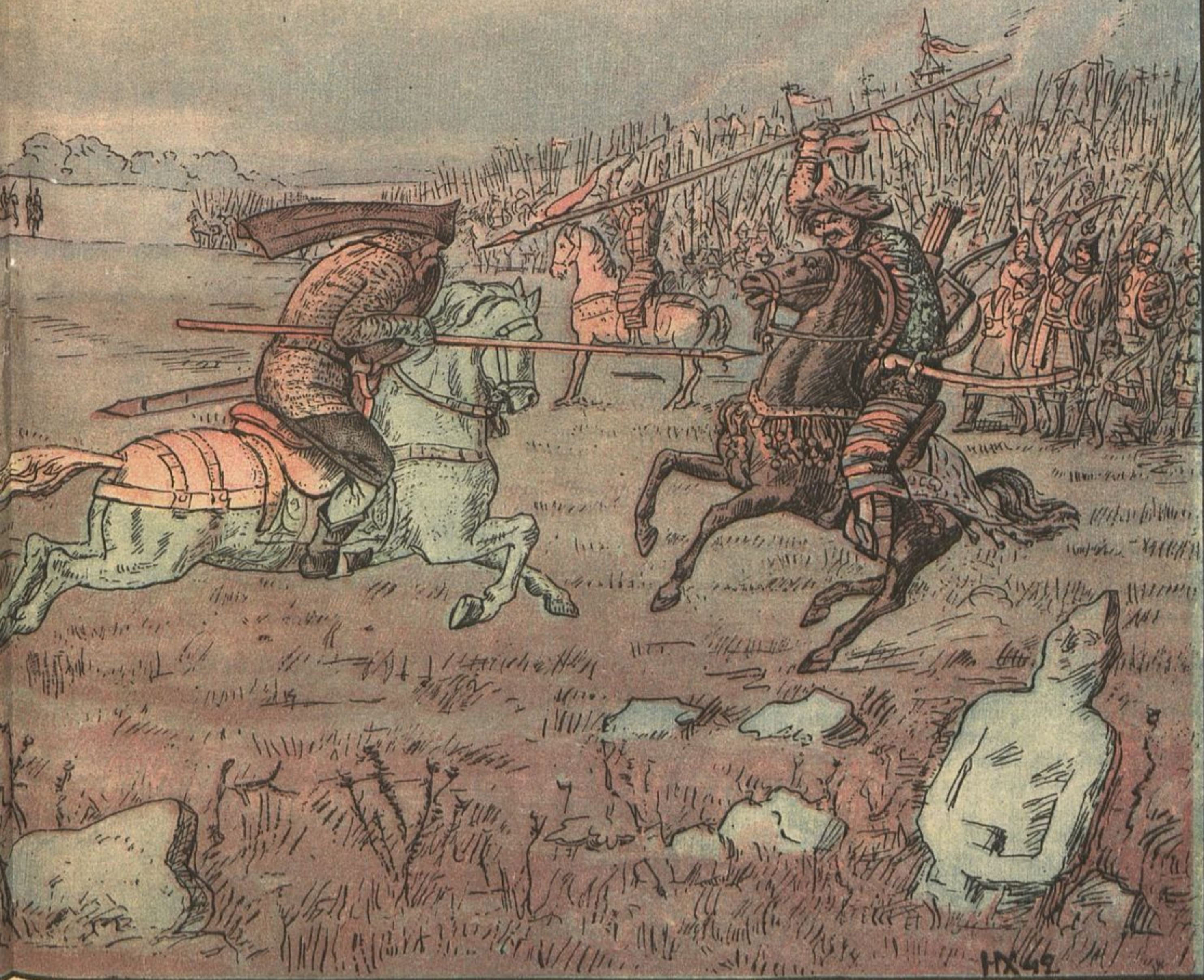

РИС. ХУД. Н. ХОДАТАЕВА

Я пришел сюда не затем, чтобы реку Дон стеречь. Я привел сюда рать, чтобы землю русскую избавить от плена и разорения или голову свою за Русь положить. Один нам путь остался. Вперед! За Дон!

В ту же ночь русские войска перешли Дон, на Куликово поле.

В полночь поехал князь Дмитрий с воеводой Боброком осматривать поле завтрашней битвы. Остановились они посреди Куликова поля.

— Оборотись, княже, — сказал Боброк, — оборотись к вражьей стороне и слушай!

Прислушался князь. И показалось ему, что услышал он с татарской стороны крики воинов, стук мечей, трубные звуки, завывание волков, карканье ворон и клекот орлов.

— Что слышишь? — спросил его Боброк.

— Страх и гроза, — ответил князь.

— А теперь, — сказал Боброк, — оборотись в русскую сторону. Слышишь?

— Ничего не слышно, — ответил Дмитрий. — Великая тишина стоит над русской землей. Только будто видно зарево от великих огней.

— Добрые приметы, — сказал воевода, соскочил со своего коня и припал к земле ухом.

— Горько и страшно плачет земля русская, — сказал он, подымаясь. — Князь, ты победишь татар. Но много падет твоего народа.

К утру расставил Дмитрий Иванович свои полки на Куликовом поле. Умен и хитер был русский полководец и хорошо знал повадки татар, знал, что много злых, жестоких и неожиданных атак предпримут татары во время боя. И подготовился ко всем неожиданностям. Впереди Дмитрий поставил передовой полк, в центре большой полк, по бокам полк левой руки под началом князей Белозерских и полк правой руки во главе с князем Андреем Ольгердовичем; за полком левой руки стояла отборная конница Дмитрия Ольгердовича, а в лесу, в Зеленой Дубраве, был скрыт засадный полк храброго волынского воеводы Дмитрия Михайловича Боброка. Отдал Дмитрий Иванович свою княжескую одежду любимому воеводе Бренку, переделся простым ратником и стал ждать боя.

Утром обе армии двинулись навстречу друг другу. Как черная туча, спускалась с холмов несметная рать Мамай. Стеной шли татары. Бой начался единоборством двух богатырей. Таков был обычай. От татаро-монгольского войска отделился печенег Челибей, невиданного роста, неслыханной силы. От русского выехал монах Пересвет.

С замиранием сердца смотрели русские воины на Пересвета. Было поверье: чей воин сразит противника, та сторона и выиграет битву.

Всадники с копьями наперевес неслись навстречу друг другу. Вот уж всего несколько сажень отделяет их друг от друга. Вот столкнулись кони и упали на колени. Выдержит ли Пересвет? Копье Челибея вонзается в грудь Пересвета. Замертво падает Пересвет. Но в этот же миг валится и Челибей с копьем в груди, вонзенным Пересветом. Пали мертвыми оба богатыря. Не сказала судьба, чья будет победа.

Князь Дмитрий был впереди войска и первый грянул на врага.

И началась кровавая сеча. Как солома, ломались копья, падали стрелы дождем, закрыла пыль солнце, молниями сверкали мечи. Падали люди, как трава под косой, лилась кровь, как вода, и ручьями текла.

Налегла орда на передовой полк — на полк князя. Но яростно рубили русские. Если не было в руках оружия, просто душили татар руками, убивали богатырским кулаком, топтали конем.

Страшным и величественным было поле битвы.

Повсюду хлещет кровь ручьями;
Зеленый побагровел дол:
Там русский поражен врагами,
Здесь пал растоптанный монгол;

Тут слышен копий треск и звуки,
Там сокрушился меч о меч.
Летят отсеченные руки,
И головы катятся с плеч.

А там, под тению кургана,
Презревший славу, сан и свет,
Лежит, низвергнув великана,
Отважный инок Пересвет.

Там белозерский князь и чада,
Достойные его любви,
И окрест их татар громада,
В своей потопшая крови.

Так описывал Куликовскую битву друг
Пушкина, поэт Рылеев.

Вот поредел передовой отряд. Нигде не
видно Дмитрия Ивановича. Татары врезались
в большой полк. Пал мертвым друг князя
Бренк. Нещадно рубит татар полк левой ру-
ки. Убиты князья Белозерские. Мамай готов
уже праздновать победу. Гибло русское воин-
ство.

С тоской смотрел на битву молодой князь
Владимир Андреевич Серпуховской и торопил
Боброка ударить на врага.

Но не спешил старый воин.

— Беда великая! — говорил князь Серпу-
ховской. — Кому принесет пользу наше стоя-
ние? Ударим, теперь же ударим на врага!

— Великая беда, княже, — отвечал Боб-
рок. — Великая беда, да еще не настал наш
час. Поспешим — погубим землю русскую.

А у самого вся кровь кипела.

Татары свирепели.

К концу клонился бой кровавый,
И черный стяг был пасть готов.
Как вдруг орлом из-за дубравы
Волинский грянул на врагов...

Охватив левое крыло русской рати, татары
стали спиной к Зеленой Дубраве.

— Час наш настал! — крикнул Боброк. —
Дерзайте, други! — И засадный полк ударил
на врага. Как вихрь, налетели русские на
татар.

— Беда нам! — закричали воины Мамай. —
Русь перехитрила нас! — И рать Мамай побе-
жала, бросая оружие.

Мамай наблюдал за боем из своего шатра
на Красном холме. Увидел он, как войска
Дмитрия рубят головы татарам, и первый пу-
стился бежать. Войско Мамай так и не могло
догнать своего полководца. Русские пресле-
довали врагов до самой реки Красивая Мечь
и жестоко истребляли их.

Русские победили врага.

После боя затрубили сбор.

Дмитрия Ивановича нигде не было. Нако-
нец его нашли среди убитых. Он был тяжело
ранен. Его шлем и крепкая броня были из-
рублены, и только они спасли его от верной ги-
бели. Среди русских убитых было так много,
что сосчитать их было невозможно. Стали
считать уцелевших. Их оказалось меньше со-
рока тысяч.

Восемь дней хоронили русские погибших
на Куликовом поле своих воинов. Тяжелы
были потери. Но родина была освобождена.
И свято чтит она братские могилы героев
Куликова поля, свято чтит имя своего вели-
кого полководца Дмитрия Ивановича, полу-
чившего после Куликовской битвы имя Дмит-
рия Донского.

ДЖЕК ЛОНДОН ИСТОРИЯ КИША

Рисунки худ. Н. Гембицкой

Давно-давно у берегов Полярного моря жил некто Киш. Был он первым человеком в своей деревне, а когда умер, его все оплакивали. Он жил так давно, что только старики помнят историю его жизни. Они рассказывают ее своим детям, и так она переходит из века в век. А слушать эту повесть о Кише лучше всего тогда, когда проносятся над ледяными полями северные метели, когда в воздухе кружатся снежные вихри и ни один человек не смеет высунуть нос из дома.

дился подвиг его отца. А затем забыли и Киша с матерью, и они жили бедно, в жалкой хижине.

Но вот однажды вечером на совете в большой хижине Клош-Квана, главы племени, Киш напомнил об отце всем охотникам. С достоинством мужчины он поднялся и ждал, когда прекратится шум.

— Это верно, что нам выдается наша доля мяса, — сказал он. — Но мясо это — старое и жесткое, и в нем много костей.

Киш был здоровым и сильным мальчиком. Он видел тринадцать солнц, — так считали в деревне. Потому что каждую зиму солнце оставляет землю в темноте, а на будущий год возвращается новое солнце, чтобы опять давать тепло людям.

Отец Киша был смелым охотником. Он погиб, охотясь на полярного медведя. То был голодный год, и отец Киша пошел на охоту, чтобы спасти своих одноплеменников от голодной смерти. Медведя он все-таки убил. Зверь был очень жирный, и народ был спасен.

Киш остался один со своей матерью. Но люди забывчивы, и скоро из памяти их изгла-

Охотники — и седовласые и молсдые — были изумлены дерзостью ребенка.

А Киш продолжал говорить твердо и серьезно:

— Мой отец Бок был великим охотником. Говорят, что Бок приносил домой больше мяса, чем любой из охотников. Он собственными руками распределял его и смотрел, чтобы каждый старик и старуха получили справедливую долю.

Охотники кричали:

— Прогоните ребенка! Пошлите его спать! Не смеет он так разговаривать с мужчинами и стариками!..

Киш спокойно ждал, пока уляжется волнение.

— Моя мать, — сказал он, — никого не имеет, кроме меня. Вот почему я за нее и вступаюсь. Бок умер, так как был слишком храбр. И потому справедливо, чтобы я, его сын, и Икега, моя мать, не терпели нужды в мясе, пока оно имеется у племени.

Охотники возмущались.

— Мальчишка смеет так говорить на совете! — шамкал старый Уг-Глок.

— Могут ли сосунцы нас учить? — спросил громко Мусук.

В гневе они приказали ему итти спать; пригрозили, что они совсем не будут давать ему мяса, и обещали крепко высечь за дерзость. Глаза Киша засверкали и темный румянец залил щеки.

— Слушайте меня! — крикнул он. — Никогда больше не буду я выступать на совете, никогда, пока вы сами не придете ко мне и не будете упрашивать: «Киш, говори! Мы хотим этого!» Вот вам мое последнее слово. Бок, мой отец, был великим охотником. Я, его сын, пойду и стану тоже охотиться, чтобы добыть себе мяса. И пусть знают все: раздел того, что я убью, будет справедлив. И ни вдова, ни слабый старик не будут плакать ночью от голода, в то время как сильные мужчины стонут от обжорства. И пусть будет стыдно сильным мужчинам, которые объедаются! Так сказал я, Киш.

Насмешки и бранные возгласы проводили его до порога хижины. Но его лицо было решительно, и он шел вперед, не глядя по сторонам.

На следующий день Киш пошел вдоль берега. Он нес лук и большой запас стрел с костяными наконечниками. Через плечо было перекинута отцовское охотничье копье. Над ним много смеялись. Мужчины качали головами и предсказывали несчастье, а женщины с сожалением глядели на Икегу, лицо которой стало грустным и серьезным.

— Он скоро вернется, — утешали они ее.

— Пусть идет, — говорили охотники. — Это будет для него хорошим уроком. Он скоро вернется, и тогда речь его будет другой — робкой и вежливой.

Но прошел день, за ним другой. На третий разразилась сильная буря. Киш все не появлялся. Икега рвала на себе волосы и покрывала лицо сажей в знак горя и скорби. Женщины осыпали мужчин упреками за то, что они своим дурным обращением послали мальчика

на смерть. Мужчины ничего не отвечали, готовясь, когда буря утихнет, итти искать тело.

Но на следующий день, ранним утром, Киш вернулся в деревню. Он нес на плечах свежее мясо убитого зверя, и поступь его была торжественна, а слова звучали гордо.

— Вы, мужчины, идите с собаками и санями по моему следу, — сказал он. — Там, через день пути, вы найдете на льду много мяса — медведицу и двух полугодовалых медвежат.

Икега была несказанно обрадована, но он встретил ее радость по-мужски.

— Идем, Икега, дай мне есть. А потом я лягу спать. Я очень устал.

Он прошел в хижину, поел и заснул. Спал он двадцать часов подряд.

Сперва в деревне было много сомнений и споров. Опасно убить медведя, но трижды — нет! три раза трижды опасней убить медведицу с медвежатами. Мужчины не верили, что мальчик один совершил такой подвиг. Но женщины

рассказывали про свежее мясо, которое он принес на спине, и это поколебало сомневающихся. Наконец они пустились в путь. «Даже если он действительно убил этих зверей, — ворчали они, — то уж во всяком случае не позаботился разрезать туши». А на севере это необходимо сделать немедленно, иначе мясо замерзает так, что его не берет самый острый нож. Но, придя на место, они нашли добычу и увидели, что Киш вынул внутренности и разрезал туши на четыре части, как образцовый охотник.

С той поры Киш все больше и больше удивлял охотников. Во вторую свою охоту он убил молодого медведя, а в следующий раз — громадного самца и медведицу. Он обычно уходил на три или четыре дня, но иногда оставался на льду целую неделю. Он всегда отказывался от спутников, и все не переставали изумляться.

— Как он это делает? — спрашивали они друг друга. — Он никогда не берет с собой собак, а собака на охоте очень нужна.

— Почему ты охотишься только на медведя? — однажды решился спросить его Клош-Кван.

Но Киш дал ему надлежащий ответ:

— Всем известно, что на медведе больше мяса.

В деревне поговаривали о волшебстве.

— Он охотится вместе со злыми духами, потому охота всегда удачна.

— Может быть, это не злые; а добрые духи? — говорили другие. — Отец его был великим охотником. Может быть, с ним охотится отец и обучает его. Кто знает!

Так или иначе, но добыча его была все богаче и богаче, и менее удачливые охотники были постоянно заняты доставкой убитых им медведей. А раздел добычи всегда был справедлив. Подобно отцу своему, Киш следил за тем, чтобы каждый старик и старуха получили равную со всеми долю. Себе же он остав-

лял ровно столько, чтобы удовлетворить свои потребности.

Киш пользовался почетом и даже внушал своим соплеменникам страх. Шли разговоры о назначении его главой племени после Клош-Квана. Охотники хотели снова видеть его на заседаниях совета; но он там не появлялся, а им совестно было просить.

Соплеменники построили ему новую хижину. Это было справедливо, так как охота отнимала у Киша все его время и ему некогда было самому заняться постройкой хижины. Новое жилище было удобно, а размерами своими превосходило даже хижину Клош-Квана.

Но загадочность чудесной охоты Киша не переставала всех занимать. А раз Уг-Глок даже бросил ему в лицо обвинение в волшебстве.

— Мы думаем, — сказал Уг-Глок многозначительно, — что ты имеешь дело со злыми духами, и потому твоя охота удачна.

— Разве мясо нехорошее? — был ответ Киша. — Или кто-нибудь в деревне заболел, поевши его? Знаешь ли ты что-нибудь о моем волшебстве или же просто говоришь из зависти?

И Уг-Глок отошел посрамленный, а женщины смеялись ему вслед.

Но однажды вечером на совете решили проследить за Кишем, когда он отправится на охоту. В следующую его экспедицию двое юношей, Бим и Баун, последовали за ним, стараясь идти так, чтобы он их не заметил. Через пять дней они вернулись с расширенными от удивления зрачками. Был собран совет, и Бим приступил к своему рассказу.

— Братья, — начал он, — как было нам приказано, мы шли по следу Киша, шли со всею осторожностью, так что он об этом не знал. В середине первого дня он встретил большого медведя-самца. Это был очень большой медведь.

— Больше не бывает, — поддержал Баун. — Но медведь не хотел драться и, повернувшись, стал уходить по льду. Мы смотрели, спрятавшись за скалы на берегу. Медведь шел по направлению к нам, и за ним шел Киш без всякого страха. Он кричал на медведя, ругал его крепкими словами, махал руками и производил большой шум. Тогда медведь рассердился, встал на дыбы и зарычал. Но Киш пошел прямо к медведю.

— Да, — продолжал Бим, — Киш прямо шел на медведя. Медведь бросился на него, и Киш побежал. Но, убегая, он уронил на лед маленький шарик. Медведь остановился, понюхал и затем проглотил шарик. Киш все бежал и ронял маленькие круглые шарики, а медведь глотал их.

Охотники недоверчиво глядели на рассказчиков. Уг-Глок открыто заявил, что не верит.

— Мы это видели собственными глазами, — утверждал Бим.

— Да, собственными глазами, — сказал Баун. — И вдруг медведь выпрямился, стал громко реветь от боли и бешено колотить лапами.

— Он царапал себя и прыгал по льду, как игривый щенок, — прервал Бим. — Никогда не видел я такого зрелища.

— Никогда не было такого зрелища, — повторил Баун, — и к тому же это был огромный медведь.

— Волшебство! — сказал Уг-Глок.

— Не знаю, — отвечал Баун. — Я рассказываю только то, что видели мои глаза. Потом медведь ослабел. Он пошел по береговому льду, качаясь из стороны в сторону. Ино-

гда он садился и выл. А Киш шел за медведем, а мы за Кишем. И так в течение всего дня и трех других дней. Медведь не переставал реветь от боли.

— Это волшебство! — вскричал Уг-Глок. — Несомненно, это волшебство.

— Может быть.

Бим сменил Бауна:

— Медведь кружился по своему следу и наконец вернулся к тому месту, где Киш впервые его встретил. Теперь он был так слаб, что едва полз. Тогда Киш подошел к нему и копьём добил его до смерти.

— И тогда? — спросил Клош-Кван.

— Мы оставили Киша в то время, как он снимал с медведя шкуру, и прибежали сюда, чтобы сообщить об этой охоте.

После полудня женщины притащили тушу медведя, а мужчины продолжали заседать в совете. Когда Киш пришел, ему послали сказать, чтобы он явился в совет. Но он ответил, что устал и голоден, а хижина его достаточно велика и в ней может поместиться много народу.

Любопытство было так сильно, что весь совет с Клош-Кваном во главе отправился в хижину Киша. Он ел, но встретил их с почётом и усадил соответственно положению каждого. Икега была горда и вместе с тем смущена, но Киш держался совершенно спокойно.

Клош-Кван рассказал про то, что сообщили Бим и Баун, и строго закончил:

— Киш, ты должен объяснить, как ты охотишься. Это волшебство?

Киш посмотрел на него и улыбнулся.

— Нет, Клош-Кван, — сказал он, — не мальчику заниматься чародейством. Я ничего не знаю о колдовстве. Я только придумал средство убивать медведя без труда. Вот и все. Это ум, а не волшебство.

— И каждый может сделать то же самое?

— Да, каждый.

Молчали долго. Мужчины глядели друг на друга, а Киш продолжал есть.

— И... и... ты нам расскажешь, Киш? — спросил Клош-Кван дрожащим голосом.

— Да, я вам расскажу. — Киш кончил высасывать мозг из кости и встал на ноги. — Дело совсем простое. Смотри!

Он достал тонкий кусок китового уса и показал его. Концы были остры, как иглы. Он свернул ус так, что тот исчез в его руке. Затем разжал ее, и ус с силой выпрямился. Потом он поднял кусок тюленьего жира.

— Вот так, — сказал он. — Ты берешь маленький кусок тюленьего жира и делаешь в нем отверстие. Туда всовываешь китовый ус, туго свернутый, и покрываешь другим куском жира. Затем

ты выносишь его на воздух, где он замерзает и превращается в круглый шарик. Медведь проглатывает шарик, жир тает, китовый ус выпрямляется; медведь чувствует боль и начинает метаться. Когда ему делается очень плохо, ты убиваешь его копьём. Это совсем просто.

— О! — сказал Уг-Глок.

— А! — протянул Клош-Кван.

Каждый сказал по-своему, и все поняли.

Такова история Киша, жившего давно у края Полярного моря. Не колдовство, а ум помог ему стать первым человеком в своей деревне.

Пока он жил, племя его благоденствовало. И ни одна вдова, ни одно слабое существо не плакало ночью от голода.

Е. ТРУТНЕВА

Я ДОМА!

Рисунки худ. Н. Ходатаева

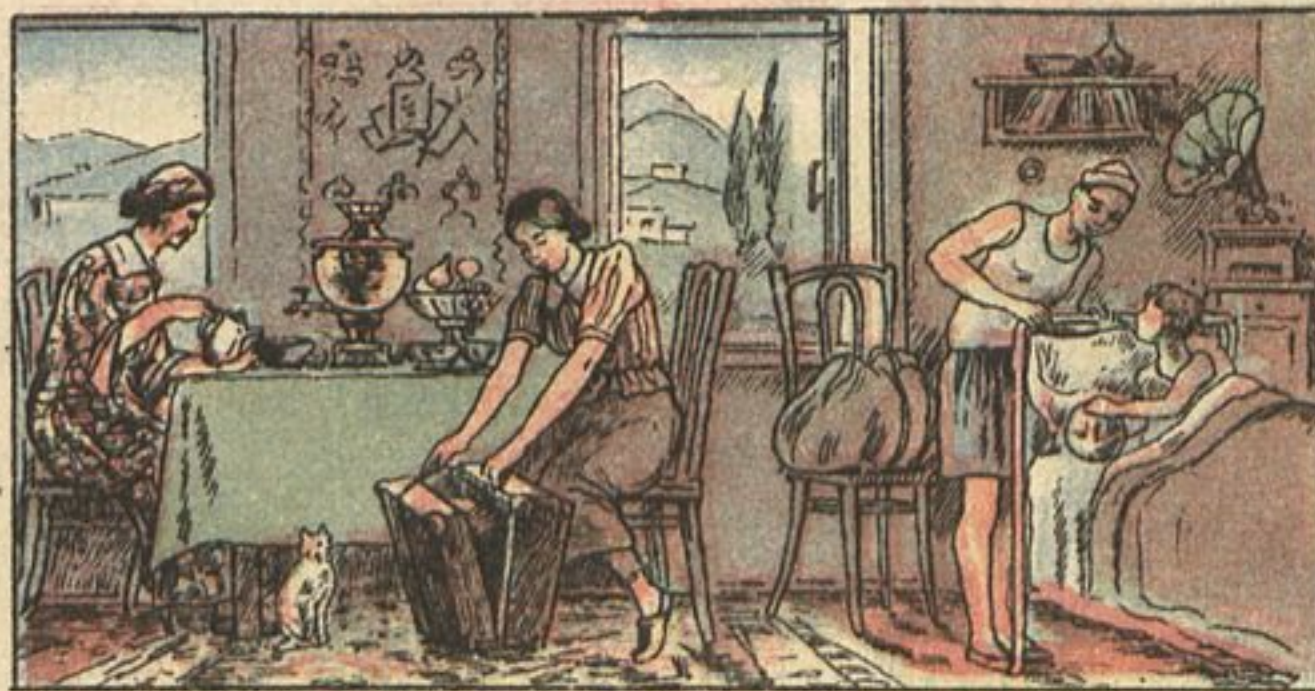
На Днепре теперь враги;
Там наш город у реки...
Паровоз бросает искры,
Поезд мчится быстро-быстро!

Где нам жить? В каком дому? —
Неизвестно никому.
На проспекте, за углом
Голубой высокий дом.

Если ехать далеко —
Это вовсе не легко!
Не побегай, не пройди, —
Как багаж, в углу сиди.
Вот вокзал. Чужой вокзал.
«Нет, я ваш!» вокзал сказал,

В доме все мне незнакомо, —
Дома я или не дома?
На столе чаек горячий,
Под подушкой пестрый мячик —
Синий, розовый, зеленый,
Новым другом подаренный.

И с портрета в свете дня
Глянул Сталин на меня.
Город странный и не свой,
С незнакомой мостовой.
«Нет, я свой, — ответил город. —
Ты меня полюбишь скоро».

На часах десятый час, —
Спать пора, как и у нас!
Мама — рядышком со мной,
Друг, товарищ за стеной.
Все свое и все знакомо!
Ну, конечно же, я дома!

М. ЧЕРЕВКОВ НА ПЕРЕМЕНЕ

Когда на улице проливной дождь и нельзя выйти на школьный двор, во время перемены можно устроить затейные игры.

Стань, соединив вместе ноги, и начерти мелом маленький кружок вокруг ступней. Затем подними согнутую ногу и, слегка наклонившись, достань лбом колени (рис. 1).

Побеждает тот, кто проделает упражнение правой и левой ногой, не выходя из кружка, и дольше всех продержится на каждой ноге. Если окажется несколько победителей, то пусть они попробуют достать лбом колени, держа руки сцепленными за спиной. Это упражнение еще труднее делать с закрытыми глазами.

Можно соревноваться, поднимая согнутую ногу не вперед, а назад, и удерживая ее рукою (рис. 2).

Попробуй опуститься на оба колена сразу и снова встать на ноги. Опуститься на колени

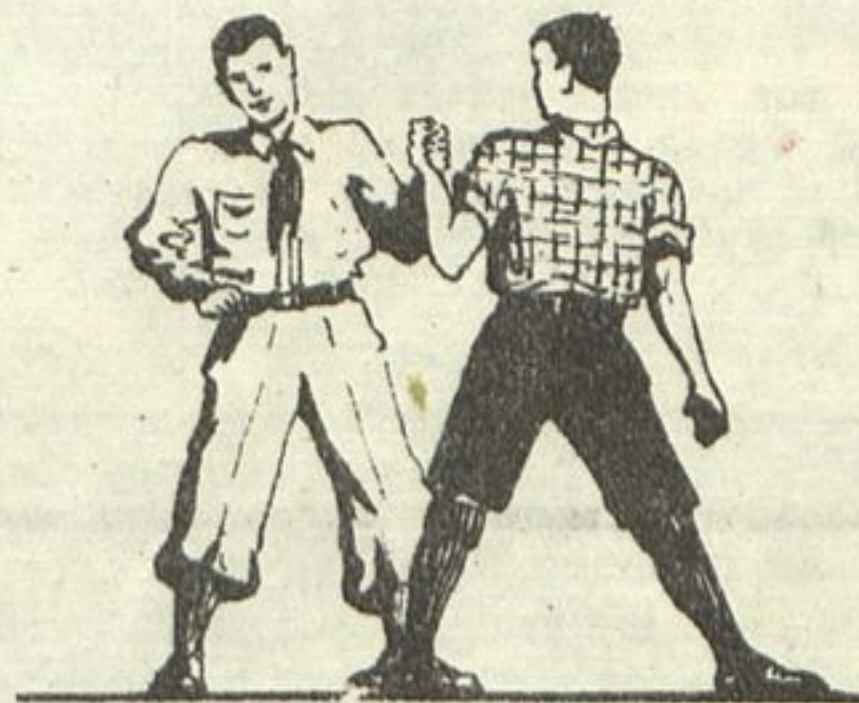
надо совсем бесшумно и, поднимаясь на ноги, не касаться пола руками и не сдвигать с места носков ног.

Потом возьми маленький мячик или плотно скомканный бумажный шарик, перевязанный крест-накрест шпагатом. Стань в круг шириной в полметра. Подбросив мячик левой рукой, опустишься на колени (рис. 3) и лови его правой рукой. Стоя на коленях, снова подбрось мячик, быстро встань на ноги и поймай его левой рукой. Затем быстро отведи правую руку за спину, брось мячик через левое плечо (рис. 4) и поймай его левой рукой. Сейчас же отведи левую руку назад, перебрось мячик через правое плечо и поймай правой рукой. Оба упражнения надо делать, не выходя из круга и не касаясь пола руками.

Устройте борьбу «на черте» (рис. 5). Нажимая рукой на руку «противника», надо заставить его сдвинуть с черты хотя бы одну ногу.

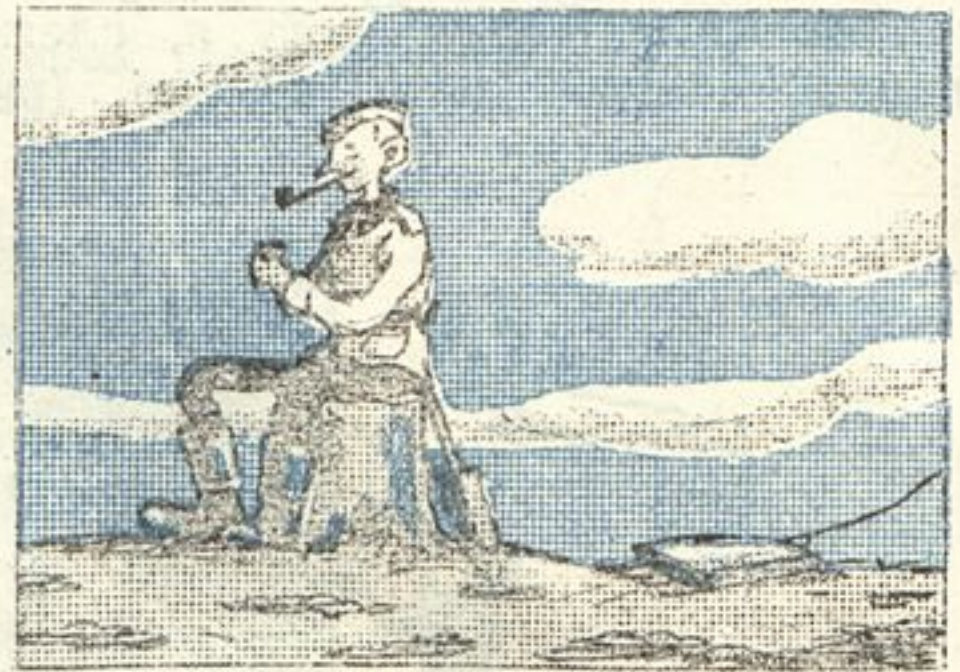

1

От офицера как-то раз
Фриц получил такой приказ:
Пробравшись в скрытые лощины,
Расставить пагубные мины.

А мины с хитрою уловкой,
С предлинной тонкою веревкой.
Задень веревку — и тотчас
Взорвется вражеский фугас.

2

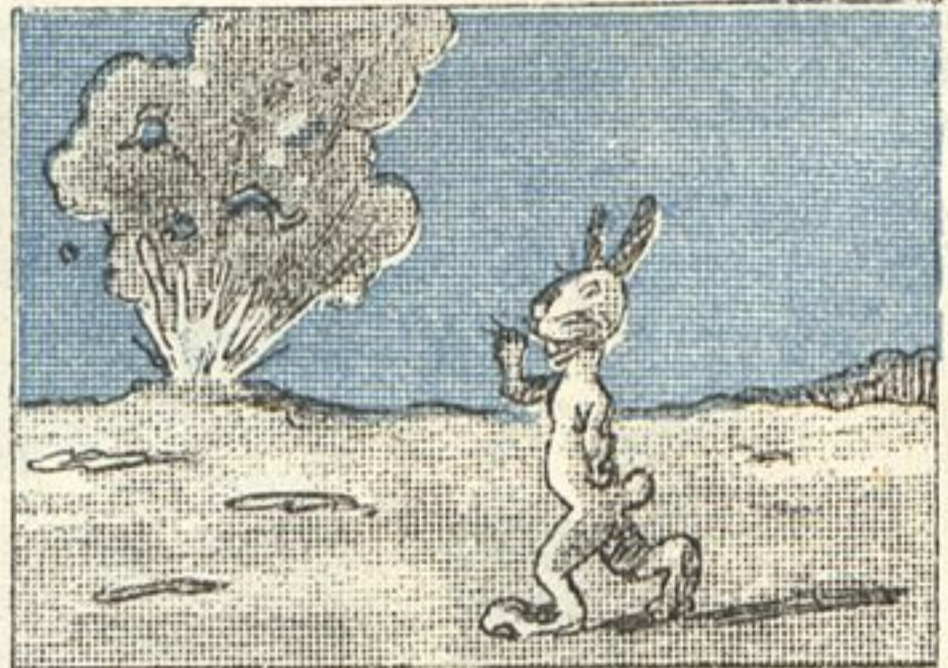
Далек обратный Фрица путь,
И Фриц задумал отдохнуть.
Взяв трубку, Фриц с довольной миной
Уселся близ коварной мины.

Случилось так, что в эту пору
Бежал русак по косогору.
Спешил русак к своим зайчатам,
Хорошим заячьим ребятам.

3

И вот, спеша зайчат найти,
Он Фрица встретил на пути.
И, то ль с разбега, то ль от страха,
Веревку зацепил с размаха.

4

Взорвалась мина в миг единый,
И Фриц взлетел на воздух с миной.
А заяц думает, хитер:
«Ну, чем я, братцы, не сапер!..»

(Действующая армия)

Адрес редакции: Москва, Новая площадь, 6. Телефон К-2-99-16

Ответственный редактор А. Бабушкина

Подписано к печати 27/X 1942 г.
Л75650.

1-я Образцовая тип. Огиза РСФСР треста „Полиграфкнига“. Москва, Валовая, 28.

Объем 2,5 печ. л. (2,8 уч.-изд. л.), в 1 печ. л. 32 000 знаков.
Тираж 150000 экз. Зак. № 2397. Цена 2 руб.

★ = 3 ЯНС 1943